

АРКТИЧЕСКАЯ БАЗА

ПОЛЯРНЫЙ
СПЕЦНАЗ

СЕРГЕЙ
ЗВЕРЕВ

ЛЕДОВЫЕ
СТРАННИКИ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Ледовые странники / Сергей Зверев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Арктическая база. Полярный спецназ).

ISBN 978-5-04-089534-2

На арктическом шельфе в условиях повышенной секретности российские специалисты ведут разработку уникального месторождения замерзшего газа. Перспектива добраться до новых стратегических запасов энергии интересует и западные спецслужбы. Они любыми способами пытаются заполучить российские новейшие технологии. Чтобы избежать утечки информации, с острова Шпицберген решено вывезти всю техническую документацию. Операция поручена группе майора Брига. Прибыв на место, спецназовцы неожиданно выясняют, что один из сотрудников Центра исследований завербован американскими наемниками. Времени на вывоз секретных материалов не остается, и майор Бриг решает на рискованный шаг...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089534-2

© Зверев С.И., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ГЛАВА 1

Дождливым октябрьским утром в здание Главного управления Генерального штаба Вооруженных сил, более известного как ГРУ, вошел широкоплечий мужчина. По особой выправке, цепкому взгляду из-под сдвинутых бровей и чеканному шагу в нем безошибочно угадывался военный. Поравнявшись с дежурным, он предъявил удостоверение, после регистрации ему было позволено подняться на четвертый этаж.

По тому, как уверенно посетитель ориентировался в здании, было понятно, что пришел он сюда не в первый раз. Он прошел мимо лифта, свернул направо, где располагалась лестница, ведущая наверх. Дежурный проводил его удивленным взглядом, но от комментариев воздержался. В управлении было не принято давать советы посетителям. Здесь вообще предпочитали помалкивать, если к тебе не обращаются. Посетитель не обратился, и дежурный промолчал.

Хочется поджарому майору вышагивать четыре пролета вверх — дело его.

А майор уверенно поднимался по лестнице. По его виду невозможно было понять, о чем он думает в данный момент. Озабочен ли, взволнован ли? Непонятно. Лицо — застывшая маска, лишённая эмоций, результат долгих лет служения Отечеству в качестве исполнителя особых заданий на благо Родины и правительства.

В этом здании он действительно бывал не раз, а в последнее время визиты эти стали скорее закономерностью, чем исключением. Нравилось ли это майору? Возможно. На этот вопрос он и сам не дал бы ответа. Есть задача, ее необходимо выполнить, и если для ее выполнения требуются его, майора, навыки и способности, значит, так тому и быть. Мечтал ли он о более спокойной жизни, лишённой грифа секретности? Едва ли. Он так давно служил в армии, что перестал отделять личное от общественно-го. Проблемы государства — это его проблемы. Примерно такие мысли приходили в его голову, когда он задавался вопросом о личной жизни.

Личной жизни у майора не было по объективным причинам. Вряд ли в его окружении нашлась бы женщина, способная мириться с издержками его профессии. Постоянные разъезды, недомолвки и реальная угроза жизни — кто вы-

держит такое? Отказаться же от всего этого ради семейного очага майор не был готов. Вот так и вышло, что в возрасте сорока лет он все еще оставался один. И сомневался, что когда-либо ситуация изменится. Что он может предложить женщине? Холостяцкую квартиру, в которой ей придется триста дней в году жить одной в ожидании вестей о нем? Перспективу хоронить мужа в закрытом гробу с особыми армейскими почестями? И это если повезет. Скорее всего, ей вообще некого будет хоронить. А дети? Как решиться завести ребенка, когда твоя жизнь ежесекундно находится под угрозой?

Подобные мысли роились в голове майора не случайно. Всему виной вынужденное трехнедельное бездействие, которое он воспринимал не иначе как наказание. Последнее задание завершилось для майора не особо удачно. Пулевое ранение в грудь, едва не лишившее его жизни и обеспечившее длительный реабилитационный отпуск, — вот истинная причина философских размышлений о смысле жизни и продолжении рода. Долгие дни и ночи, проведенные на больничной койке, пока организм боролся за жизнь, не в счет. Там было все просто. Ему нужно было выжить, вот и все. Но в пустой холостяцкой квартире, когда боль ушла на задний план, желание иметь под боком родственную душу, человека, с которым можно разделить не только горе,

но и банальную скуку, нахлынуло с невероятной силой.

Спас майора телефонный звонок. Три короткие фразы, брошенные полковником Скрябиным, все поставили на свои места. Прочь скука и хандра! Прочь провокационные мысли! Теперь-то майор избавится от них, как только услышит вводную к новому заданию. В том, что задание не оставит места сентиментальным мыслям, майор не сомневался. В данное учреждение просто так не вызывают.

Преодолев последний пролет, майор завернул за угол. У открытой двери кабинета, поджидая его, стоял полковник Скрябин. Как и положено, дежурный оповестил о прибытии майора.

— Здравия желаю, товарищ полковник, — приближаясь, козырнул майор.

— И вам того же, майор, — сухо ответил полковник. — Рад, что смогли прийти. Проходите в кабинет.

Майор вошел первым. Полковник прикрыл дверь и прошел напрямик к сейфу. Указав на ближайшее кресло, он жестом предложил майору присесть. Тот охотно выполнил приказ, пулевое ранение все еще давало о себе знать, и простой подъем по лестничным маршам слегка утомил майора.

— Мы вызвали вас сюда, так как беспокоимся о вашем самочувствии, — закончив манипу-

ляции с сейфом, произнес полковник. — Ваше состояние вызывает опасения у медиков.

Одновременно с этим заявлением полковник быстро начеркал несколько слов на одном из листов для записей и положил его перед майором. Брови майора удивленно поползли вверх. «Это что-то новенькое, — пронеслось у него в голове. — Секретность внутри секретного объекта? Неужели все настолько плохо?»

На листе бумаги было написано следующее: вопросов не задавать, имена не называть, объекты не упоминать. И жирный восклицательный знак в конце. Майор встретился взглядом с полковником, спрашивая, верно ли он истолковал послание. Полковник утвердительно кивнул и начал говорить размеренно и четко. Только вот слова его никак не были связаны с настоящей целью.

— Доктора беспокоены тем, как проходит реабилитационный период. Они считают, что процесс выздоровления затягивается, и хотят выяснить причину. Вам необходимо просмотреть результаты анализов. Вот они.

Полковник придвинул майору папку. Тот раскрыл ее и начал читать. Естественно, речь шла не о его анализах. Пока майор листал страницу за страницей, полковник разглагольствовал о необходимости взаимодействия с медицинскими работниками и о новейших разработках реабилитационных процедур, применяемых

в военном госпитале при управлении. Долистав до последней страницы, майор потянулся за бумагой для записей. Отделив пачку, он вынул из органайзера карандаш и широким росчерком задал вопрос: «Что происходит?»

Полковник прочитал, скомкал лист и, пожав плечами, предложил:

— Не хотите прогуляться? Врачи говорят, что это весьма полезно для вашего здоровья.

— С удовольствием, — ответил майор. — На свежем воздухе я действительно чувствую себя гораздо лучше.

Майор кивком головы указал на папку, беззвучно спрашивая, имеет ли он право взять ее с собой, но полковник отрицательно покачал головой и вернул папку обратно в сейф.

Из кабинета они вышли одновременно. На первый этаж спускались на лифте. В полном молчании. Майор осмысливал то, что почерпнул из записей, пытаясь определить, что за задание его ждет. Полковник просто выжидал.

Из управления они направились вдоль по улице к ближайшему парку. Прошли два квартала. У майора создалось впечатление, что полковник не просто опасается слежки, он уверен, что таковая ведется. Беспокойство полковника поневоле передалось ему.

«Что происходит? К чему вся эта секретность? В управлении завелся «крот» и его не могут от-

следить все их хваленые аналитики? Если так, то почему заниматься вопросом безопасности государства выбрали меня? Они хотят, чтобы я вычислил «крота»? Бред! Всем прекрасно известно, что у меня совершенно другой профиль работы. Но что тогда? Снова Арктика? Вот это больше похоже на правду».

Придя к такому выводу, майор немного успокоился. О шпионах внутри федеральной разведывательной организации пусть у самих разведчиков голова болит, а он простой спецназовец. Выследить, обезвредить, разоружить, предотвратить катастрофу — это другое дело, а закулисные интриги — не его профиль. Увольте.

Впереди показался небольшой сквер. Полковник свернул туда, увлекая за собой майора. Остановившись на центральной аллее у фонтана, он последний раз осмотрелся и заговорил. На этот раз каждое его слово относилось исключительно к делу.

— Странные ощущения, не так ли? — усмехнувшись, произнес он. — Представьте себе, в таком режиме я работаю уже шесть дней. Рад видеть вас, Бриг.

Майор только плечами пожал. Тот факт, что полковник назвал его не по фамилии, а использовал прозвище, данное майору бойцами отряда особого назначения, чьим командиром он был так давно, что и история не помнит, говорил

о многом. Означать это могло только одно: полковника Скрябина сильно приперло. Настолько сильно, что он забыл о субординации. Это обстоятельство одновременно и радовало, и пугало Брига.

С полковником Скрябиным он вел уже не первое задание, но тот никогда не позволял себе вольностей в общении. Даже после успешного окончания дела он никогда не обращался к Бригу, используя прозвище. Вот генерал Зуев, непосредственный начальник полковника, от которого исходила инициатива привлечения независимых наемных сил для решения задач особой важности, тот обращался к майору, используя исключительно прозвище. Но не полковник Скрябин. Педант и аккуратист, он всегда следовал протоколу. До сего дня.

Майор оценил состояние полковника. Он не стал акцентировать внимание на своих выводах, вместо этого он встал так, чтобы иметь возможность обзора максимальной площади парка, и задал первый вопрос:

— Вы предполагаете, что обсуждать данное задание в здании разведывательного управления небезопасно?

— В противном случае мы не были бы сейчас здесь, — ответил полковник. — Это не паранойя, если вы об этом. Это конкретная угроза утечки информации. Сугубо секретной информации.

— Дело касается Арктики? Кто-то снова покушается на наш шельф?

— Так и есть. Но на этот раз все куда серьезнее. — Полковник Скрыбин тяжело вздохнул, проведя ладонью по лицу. Жест выдавал крайнюю утомленность.

— Из показанных вами документов я смог понять немного. Некие разработки китайцев по добыче газа, особый интерес нашего государства к территории, называемой хребтом Гаккеля, исследовательская миссия на острове Шпицберген — что все это значит лично для меня?

— Я начну с самого начала. Расположиться с удобствами не получится. Мы будем стоять здесь, в центре аллеи, предотвращая возможность утечки информации, и с этим придется мириться. Разговор предстоит долгий, советую запастись терпением, — объявил полковник Скрыбин и приступил к рассказу: — Скажите, что вы знаете о природном ресурсе, называемом «горючий лед»?

— Немного. Собственно, только то, что было в СМИ. Природный газ в твердом состоянии, добыча которого требует слишком много финансовых вложений, чтобы окупиться. Если верить прессе, нефтяники из Китая стали первыми, кто смог добыть с океанического дна «горючий лед». Помню цитату заместителя Управления геологических исследований Ли Цзиньфа о том, что

это событие станет первым звеном в последующей энергетической революции во всем мире. Еще он заявил, что последствия этого прорыва будут более значимыми, чем сланцевая революция в США. На мой взгляд, высокопарно и самоуверенно.

Бриг замолчал, ожидая реакции полковника.

— Боюсь, не смогу согласиться с вами, — негромко произнес полковник. — Быть может, для Китая это и утопия, по крайней мере в ближайшие годы, но не для нас. Я имею в виду не для нашей страны. Вы довольно близко знакомы с ситуацией вокруг арктического шельфа и проблем, касающихся интересов России. В свете новых событий они лишь обострились. Вы наверняка знаете о том, что в этом году в Комиссию по границам континентального шельфа ООН Министерством природных ресурсов и экологии была подана доработанная заявка, но вряд ли слышали о том, что в эту заявку был внесен вопрос о признании российских прав на владение хребтом Гаккеля. Думаю, вам неизвестна и причина, по которой российское правительство заявило свои права на этот хребет. Впрочем, будет лучше, если перед вами предстанет вся картина целиком.

Полковник Скрябин на секунду задумался, собираясь с мыслями, после чего повел рассказ, четко и планомерно вводя Брига в курс дела.

Начало истории проистекало из исследований, проводимых учеными в районе Северного Ледовитого океана. Исследования касались исключительно континентального шельфа и получения доказательств того, что территориально они являются продолжением российских земель.

Первая заявка в Комиссию ООН была отклонена за недостаточностью доказательств, но правительство страны не собиралось отступить. Исследования продолжились. С каждой новой экспедицией доказательств становилось все больше, а в одну из экспедиций российские ученые обнаружили интересные факты относительно хребта Гаккеля и начали его углубленное изучение. И вот тут-то они и сделали главное открытие, сменившее приоритеты исследований. В глубинах океана хребет Гаккеля скрывал огромные залежи природного газа метангидрата.

Само по себе это открытие не было из ряда вон выходящим. Интерес государств, границами которых являлся Северный Ледовитый океан, тем и продиктован, что, по примерным подсчетам ученых, в недрах океанов содержится восемьдесят три миллиарда кубометров условного топлива. К тому же ученые всех заинтересованных государств сходились в том, что вероятность открытия новых крупных месторождений нефти и газа на практически неизученных зонах шель-